

Маккаров АН.

13.03.93

Литература. — 1993. — 13 марта. — С. 2.

Я ПОНЯЛ, ЧТО МЫ НЕ НУЖНЫ

Такое случалось и прежде. Один и тот же фильм, увиденный во второй раз спустя несколько лет после премьеры, представлял как бы в новом качестве, обнаруживал не замеченные раньше психологические тонкости и пластическое совершенство.

На этот раз, однако, произошло что-то иное. Лента, вышедшая, кажется, вчера, в семьдесят девятом году, просмотренная на днях заново по телевизору, показала приветом из другой эпохи. Не в смысле приверженности к устаревшей стилистике и не в плане полинявших и потускневших идеалов. Со стилистикой как раз все в порядке, да и идеалы вроде бы еще греют. Поразило другое: резкое их исчезновение из современной обыденности, какое-то внезапное испарение той человеческой среды, для которой они служили светом в оконце. Поясню: картина называется «Прямая трансляция». Речь в ней идет о памятном для нынешних поколений моменте, когда переломилась эпоха. О том апрельском дне, когда с фальшивой (простите за кощунство) скорбью страна хоронила последнего классического Генсека застойного времени и в свежем весеннем воздухе неизящимо возникло ощущение накатывающих перемен. Их-то и уловил тотчас герой фильма. Честный малый, конформист поневоле, редактор отдела прозы в престижном по тем временам журнале, он в то недавнее солнечное утро вспомнил о «великом» непреходимом романе, написанном его бывшим другом, и с чисто российской убежденностью, что ничего более необходимо для несчастной Родины, чем публикация подпольного сочинения, и быть не может, бросился на поиски сгнившего товарища и пропавшей рукописи.

Господи! — вдруг подумал я

безотчетно, следя за забытыми еще странствиями этого до боли знакомого персонажа по улицам режимной столицы — кого же в наши дни подвигнет на шатания по городу, на волнение и беспокойство судьба какого-то манускрипта? Кто поверит ныне, что прочтение некоего романа изменит нечто даже не в общественной атмосфере, а в его собственной душе? Да она уже давно напечатана, эта рукопись, и осталась незамеченной как публикой, так и критикой. А если и не напечатана, то не по злодейству цензуры, которой нет, а по равнодушию редакторов, которые сами не знают теперь, чем завлечь читателя. Каким «крутым» сюжетом, какой еще насмешкой над «советской» моралью, то есть над общепринятыми приличиями. О том, чтобы расположить аудиторию узнаваемой житейской драмой, интересной мыслью, лирическим порывом, не принято ныне даже говорить...

И еще одна линия этого фильма при повторном просмотре как-то особенно задела за живое. При том, что четыре года назад представлялась лишь точно подмеченной, не более того. Дело в том, что в поисках беспутного гения друг-редактор обращается, как положено, к бывшим его женам и подругам, брошенным им на горьком пути непризнанности, в том числе и к собственной своей жене, которую

подпольный романист у него некогда отбил. Не только силою таланта, но, надо думать, обаянием отверженности, подвижничества, страдания. Вот о том-то и речь. Об этом столь распространенном еще вчера классическом типе русских женщин, не то декабристок, не то диссиденток, подвижниц, безумиц, добровольных страдальц, короче, верных подруг изгоев, нищих художников, опальных философов, отвергнутых обществом поэтов. Было время, когда этот типаж встречался повсеместно, как в столицах, так и на периферии, обладая высочайшим моральным кредитом, выступал как драгоценнейшее проявление российской духовности.

Ныне он не то, чтобы вовсе пропал, но как бы сошел с общественной сцены. Где они, верные подруги художников, утешительницы в неравной жизненной борьбе, отрада и награда, опора и поддержка, нервные, бескорыстные, нежные, воспламенявшиеся от стихотворной строки, от гитарного перебора, от рассказа о переезжистой несправедливости?

Переменили образ жизни? Уехали в Америку? Эскортируют «новых русских» на презентации и в круизах? Во всяком случае неудачникам, даже великим, похоже, не служат больше ни музами, ни хранительницами душевного покоя и очага.

Почему так произошло, объяснить не требуется. Как гово-

рится, не бином Ньютона. Пока не дает другое. Как же так случилось, что бывшие маргиналы, упорные некарьеристы, настоячивые неконформисты, едва ли не внутренние эмигранты, одержавшие как-никак историческую победу в противостоянии с бездарным чудилом тоталитаризма, как же так вышло, что они, чистые, духовные, неподкупные, вновь оказались неудачниками?

Я не престижные посты подразумеваю сейчас, вернее, не их отсутствие, не то, что всемогущие фонды не торопятся облагодетельствовать нас щедрыми «грантами» и приглашениями на европейские симпозиумы, бог с ними, в конце концов. Я имею в виду утрату внутренней опоры, неведомые прежде сомнения в собственной правоте, потерю своих женщин, наконец. Так сказать, тех Галатей, которых за долгие годы угнетения талантом и напряжением сердца сформировали непризнанные российские Пигмалионы.

Неужели долгожданная свобода тому виной? Неужто всегда правы вечные оппортунисты, вчерашние ваятели партийных эпопей и сегодняшние лудильщики эротических действ? Когда-то Колумб, отпрэзвившись на поиски сказочной Индии, открыл Америку, не то ли произошло и с нами, вместо обетованной земли нестесненного самовыражения мы причалили к материке беспардонного самозащиты.

Все-таки обидно: борьба с диктатурой требовала постоянного совершенствования, и нравственного, и профессионального. А борьба за выживание осуществляется путем катастрофической потери качества, и душевного, и мыслительного, и эстетического. Страшно подумать, а что если они неразрывно связаны и друг без друга не могут — диктатура и моральное сопротивление, чужонназдые руководители «ленинского типа» и вдохновенные неврастеничные творцы-интеллектуалы? Одних смыло накатом исторической волны. Не потому ли не уверены в своем существовании и другие?

Размышляя над этими замечками, натолкнулся на малоизвестные стихи Бориса Слуцкого.

«Когда мы вернулись с войны, я понял, что мы не нужны... Захлебываясь от ностальгии, от несовершенной вины. Я понял: иные, другие, совсем не такие нужны».

Быть может, поэзия, как всегда, не ошибается? Быть может, поэты улавливают в общественной атмосфере некие закономерности, неведомые прямолинейно мыслящим гражданам?

...Каждый день, проезжая в поезде метро станцию «Спортивная», я со смятением и страхом ожидаю, как бестрепетной, все на свете подминающей под себя массой ворвутся в вагон королевы толкучки — молодые, розовощекие, золотозубые, одетые в норковые шапки и в небрежно запачканные многотысячные пуховики, груженные пудовыми тюками с заморским товаром, совсем не похожие на трепетных, взвинченных диссидентов-народоволок с горящими глазами...

АН. МАКАРОВ.